

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHIK 550 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.g.

UURALI KEELTE SÕNAVARA JA
GRAMMATILISE EHITUSE PROBLEEME

ПРОБЛЕМЫ СЛОВАРНОГО СОСТАВА
И ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ
УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

FENNO-UGRISTICA

ТРУДЫ
ПО ФИННО-УГРОВЕДЕНИЮ

7

PÜHENDATUD FILOLOOGIADOKTOR
PROFESSOR PAUL ALVRELE
KES 3. JAANUARIL 1981. A.
SAAB 60-AASTASEKS

TARTU 1980

ВТОРИЧНЫЕ СУФФИКСЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В КОМИ ЯЗЫКЕ

Грамматизация самостоятельных слов как один из способов развития и обогащения словообразовательной системы - общая и характерная черта финно-угорских языков. Подобные явления можно наблюдать и в других языках, но спорадически, тогда как агглютинативный тип финно-угорских языков сам по себе предполагает производство агглютинирующих элементов с достаточной регулярностью, хотя и не одинаковой в разных языках и на разных ступенях развития.

В современных языках можно наблюдать лишь отдельные стадии грамматизации лексем, однако, опираясь на исторические параллели, а также на данные диалектов и родственных языков, мы можем вскрыть основные тенденции в эволюции самостоятельных слов в суффиксн. Самое общее представление о развитии этого процесса может дать следующая схема: словосочетание I → устойчивое словосочетание II → сложное слово III → слово с полусуффиксальным элементом IV → дериват V → корневое слово.

Возможность такой трансформации обусловлена целым рядом факторов. Из них важнейшее значение для процесса агглютинации, как отмечается рядом финно-угроведов (Серебренников 1965, Майтиская 1965, Кривошекова-Гантман 1967), имеют следующие:

- а) строго фиксированный порядок следования компонентов в словосочетании,
- б) механическое присоединение служебных морфем к корню,
- в) четкая разграниченность морфем внутри слова.

Даже при наличии всех этих условий не всякое словосочетание становится синтаксической основой сложного слова, и не всякий дериват, образованный путем агглютинации, с необходимостью проходит все стадии развития. Формирование суффиксов из самостоятельных слов - процесс длительный и далеко не последовательный. Он зависит от целого комплекса частных факторов, языковых ситуаций, причем различных для каждой ступе-

ни развития. Так, переход I обуславливается наличием прочной семантической связи между компонентами словосочетания, единством синтаксических функций всей конструкции, определенной степенью воспроизводимости в речи и т.д.; переход II - единством семантического образа, возникающего из соотношения значений компонентов, общностью ударений, морфолого-грамматической целостностью и т.д.

В трансформации сложного слова во вторичный суффикс самым существенным, на наш взгляд, является частотность и регулярность употребления в речи слов с данным конечным элементом. Частота употребления предопределяет возникновение того сдвига в семантике конечного элемента, который является началом постепенного вытеснения конкретно-лексического значения грамматическим, началом обобщенного использования слова в качестве "суффигирующего словоэлемента" (Кривошекова-Гантман 1967:115). Первоначально ограниченный определенным кругом основ, этот "словоэлемент" все более расширяет сферу семантических связей и начинает свободно присоединяться к любым основам, независимо от их конкретно-лексического значения и без предварительного синтаксического обоснования.

В современном коми языке зарегистрировано около десятка таких вторичных суффиксов.¹ Поскольку пути трансформации, степень продуктивности, регулярность в литературном языке и диалектах и т.д. весьма различны для каждого суффикса, имеет смысл подробнее остановиться на каждом из них.

-дун: первоначальное значение (к-з., к-п., к-язв. дун, удм. нунал < *luna "день" < доперм. *lona "день, вг")² подверглось грамматизации в процессе частого употребления в конструкциях типа: бур дун "хороший день", дбнь дун "тихий день", пемьд дун "темный день". В этой языковой ситуации элемент дун стал функционировать в качестве показателя абстрактного признака, ср. бурдун "доброта", дбньдун "тишина", пемьддун "темнота". Дальнейшая грамматизация -дун позволила значительно расширить сферу деривационных связей. В современном коми языке суффикс образует дериваты как от основ прилагательных (первичная словообразовательная связь), так и от основ существительных и причастий, например: дбвалдун "вдовство" - ср. дбва "вдова", челядьдун "ребячество" - ср.

¹ Точное количество суффигирующих элементов установить довольно трудно, поскольку границы между сложным словом и производным со вторичным суффиксом весьма расплывчаты.

² Здесь и далее этимологии даются по КЗСК 1970.

челюдь "дети"; познание "возможность" - ср. позан "возможный"; тодчан "значение" - ср. тодчан "заметный, значительный".

К середине XIX века этот суффикс прошел полный путь грамматизации, во всяком случае в словарях, отражающих лексику примерно 20-80-х годов XIX века (Wiedemann 1880, Лыткин 1889), слова с элементом -дун, несомненно, являются дериватами.

Продуктивность суффикса значительно возросла в связи с потребностями становления и развития литературного языка, постоянно нуждающегося в массе новых слов абстрактного значения. В одном из последних словарей коми языка (КРС 1961) дериваты с суффиксом -дун составляют примерно 8% всех производных существительных, что позволяет отнести -дун в разряд самых частых суффиксов современного коми языка.

Очевидно, этот суффикс возник сравнительно недавно, поскольку он не обнаружен ни в одном другом языке пермской группы, а также почти не встречается в целом ряде коми-зырянских диалектов - ижемском, нымском, верхнесокольском, где абстрактное значение качества выражается обычно основой слова (дѣк "злой, злость", дѣнь "тихий, тишина") либо отглагольными существительными на -ѳм (дѣваалѳм "вдовство").

Аналогичный процесс формирования суффикса можно наблюдать во многих финно-угорских языках, например: морд. э. -чи / м. -ши < чи / ши "день": шумбрачи / шумбраши "здоровье" - ср. шумбра "здоровый"; саам. -vuotta < vuotta "год": шюггагвуотта "молодость" - ср. шюгга "молодой"; фин., эст. -vu < *vovi - ср. фин. vuosi "год"; эст. noorus "молодость" - ср. noor "молодой"; возможно, также фин. -raiva < raiva "день", лив. -raiva < raiva "день": brīraiva "свобода" - ср. brī "свободный"; -aiga < aiga "время": jūovp-aiga "питье" - ср. jūovd "пить"; -iŋg < iŋg "момент, мгновение, время": tiŋgaiŋg "здоровье" - ср. tiŋga "здоровый". (см. Laazar 1975: 62, 79, 167, 168; Лазар 1938: 29, 96, 75).

Возникновение абстрагирующих суффиксов предполагает достаточно высокую степень языкового и социального развития; этим, очевидно, объясняется тот факт, что в современных финно-угорских языках нет общих деривационных элементов для абстрактных имен, а есть лишь общие принципы их формирования (Laazar 1975: 314).

-ин (In): в качестве самостоятельного слова широко упо-

требуется в коми-зырянском языке. С его помощью от основ прилагательных и причастий на -ан легко образуются слова со значением в первом случае "такое-л. определенное, характерное чем-л. место", во втором - "место какого-л. действия". В коми-пермяцком языке и коми-зырянском диалекте использование элемента -ин ограничено устойчивыми выражениями. В самостоятельном употреблении он был заменен заимствованным из русского языка словом места. Коми ин в удмуртском языке соответствует форма инты, развившаяся из общепермского *in.

Из всех имеющихся в коми языке вторичных формантов -ин меньше всего отделился от своего первоначального значения, меньше всего продвинулся по пути превращения в суффикс. Не случайно некоторые ученые (Бубрих 1949:64, Кривошекова-Гантман 1967:117) считают конструкции типа оданін "жилище, место жилья", вунданін "место жатвы", дзёбанін "кладбище, место захоронения" сложными словами, а само отнесение элемента -ин к разряду суффиксов - натяжкой.

Элемент -ин находится на самой ранней стадии грамматизации. Во всяком случае его превращение в суффикс уже началось, о чем свидетельствует не только регулярность в образовании однотипных словообразовательных связей, но и наличие явного сдвига в сторону грамматизации в примерах, зафиксированных в диалектах, но понятных каждому носителю языка: ср. прс. с'ыланинс'ис дудисны "перестали петь, досл. из процесса пения перестали"; дудылис йурой вис'аниннс' "ненадолго перестала болеть голова, досл. ненадолго перестала (моя) голова из процесса боления"; печ. горш кос'манинй вышта "попью, чтобы утолить жажду, досл. в место пересыхания горла попью"; с'ойаниннс' оз дудыл "беспрестанно ест, досл. из процессе едения не перестает"; номсас'анинй вайншт "принеси немного полакомиться, досл. в место хотения полакомиться принеси немного".

Приведенные образования с -ин вряд ли могут быть отнесены к статичному лексическому составу; они возникают контекстуально и не употребляются вне предложения или употребляются в другом, в своем прямом, значении. Но сама возможность создания таких слов представляет основанием дальнейшей эволюции -ин в разряд суффиксов. Нам даже кажется возможным выделить из приведенных примеров некоторое общее грамматическое значение элемента -ин, а именно абстрактное выражение действия, процессуальности. Труднее проследить переход от значе-

ния локальности, непосредственно вытекающего из семантики самостоятельного слова ин, к выражению процессуальности. Интересны в этом отношении примеры, найденные нами у Видемана (Wiedemann 1884:74; Wiedemann 1880), где основное значение суффикса - временное: tölys'töm-in "mondlose Zeit", zertöm-in "regenlose Zeit", pylsetan-in "Polterabend", а также обобщенно-абстрактное, например: romtöm-in "Unendlichkeit", vezörtöm-in = vezörtöm-luz "Unvernunft".

Возможно, именно употребление элемента во временном значении явилось толчком к началу его грамматизации, результаты которой - хотя и весьма относительные - мы можем констатировать уже сейчас.

В удмуртском языке процесс грамматизации привел к распаду самостоятельного слова инты на два равнозначных суффикса: ни (арани "место хаты" - ср. арани "хаты") и ти (уланты "место работы" - ср. ужанты "работать").

Что касается других финно-угорских языков, то редкий эрзя-мордовский суффикс -ина, обозначающий "место, богатое чем-л." (например: тополина "страна тополей"; умарина "яблоня" - ср. умарь "яблоко" ОФУЯ 1975:300), этимологически связан с пермским ин. В таком случае он ближе всего к коми-изъяснскому варианту -ина (демхит'ина "равнина, ровное место" - ср. демхит "лохманный" (Лыткин 1941:51)).

-тор: в качестве самостоятельного слова тор встречается только в коми и коми-пермяцком языках. В удмуртском и коми-изъяснском соответствий не обнаружено. В коми языке конкретно-лексическое значение слова тор "кусок, лоскут, осколок, обломок" в частом употреблении в конструкциях типа ай тор "кусок мяса", гез тор "отрезок веревки", нянь тор "кусок хлеба" постепенно приобрело оттенок деминутивности, что привело к возникновению субъективно-оценочного суффикса: бедь-тор "палочка", зэрттор "дождик", этор "речка", мёстор "коровка", питтор "сыночек", Марьяттор "Марышка" и т.д.

Помимо уменьшительно-ласкательных форм, суффикс -тор весьма продуктивно образует существительные со значением отвлеченного качества, а также предмета, подвергаемого или подлежащего какому-либо действию, например: мусатор "что-л. любимое" - ср. муса "любимый, дорогой"; тырмьтөмтор "недостаток" - ср. тырмьтөм "недостаточный, недостающий", выльтор "новость" - ср. выль "новый"; новлантор "одежда" - ср. нов-лыны "носить (одежду)"; кыантор "то, что вьется, подлечит

вязанию" - ср. кыны "вязать, ткать".

Обе функции развились параллельно, независимо друг от друга, в сочетаниях с различными основами. В демутивном значении суффикс выступает в соединении с основами существительных, в обобщенно-абстрактном - в соединении с основами прилагательных, причастий, иногда местоимений (например: немтор "ничего" - ср. нем < нином "ничего"; былтор "всякое" - ср. быд "всякий, всякое, каждый").

В присыктывкарском диалекте коми языка зарегистрировано употребление суффикса во временном значении: сынён воантор нин "ему время уже приехать, досл. у него отрезок прибытия уже" (Жилина, Бараксанов 1971:74). Эта функция более позднего происхождения.

Аналогичные образования можно обнаружить в других финно-угорских языках. Суффиксу -тор в его отвлеченно-абстрактном значении соответствует в мордовских языках суффикс морд. м. -пель/морд. в. -пель, возникший из самостоятельного слова со значением "часть, доля". Он образует отглагольные имена существительные со значением предмета действия: пампаль / оршампель "одежда" - ср. шамс / оршамс "надеть", уштомбаль / уштомпель "топливо" - ср. уштомс "топить".

Мансийские суффиксы -riá (первоначально "часть" - ср. в. tesz "часть"), -sur (первоначально "часть, половина"), -ut (первоначально "вещь, что-л.") соответствуют коми -тор в его демутивном значении: ларсур "лодочка" - ср. лар "лодка"; павгамриá "ребеночек" - ср. павгам "ребенок"; вапцт "младенец" - ср. вап "маленький" (Озюв 1976:284).

-пи: восходит к самостоятельному слову финно-угорского происхождения (к-з. пи, к-п. пиан, пи, к-язв. пиан, удм. пи

< общеп. *pi "детеныш, сын, мальчик"). Как и суффикс -ин, -пи в значительной степени сохранил свое первоначальное значение. Степень его грамматизации весьма различна в разных языках и диалектах. В удмуртском, коми и коми-пермяцком языках элемент пи чаще всего встречается в конструкциях с одушевленными существительными в значении "чей-л. детеныш": порсьпи "поросенок" - ср. порсь "свинья", понпи "щенок" - ср. пон "собака"; каньпи "котенок" - ср. кань "кошка".

В ряде теоретических работ по пермским языкам (ГСУЯ 1962:123, Кривошекова-Гантман 1967:119) такие конструкции не без основания рассматриваются как сложные слова. Однако, следует отметить, что формант -пи в их составе выражает не

только свое конкретно-лексическое значение "детеныш", но и содержит общую идею уменьшительности, что является достаточным основанием для начала его грамматизации. В коми-язвинском диалекте и в говоре кольских коми мы можем наблюдать дальнейшее развитие этого процесса. В говоре кольских коми -пи в функции деминутивного суффикса употребляется не только с одушевленными, но и неодушевленными существительными, например: кыдпи "березка" - ср. кыдз "береза"; пожэмппи "сосенка" - ср. пожэм "сосна"; козпи "елочка" - ср. коз "ель" (Сахарова, Сельков 1960:141). Еще бо́льшую грамматизацию претерпело соответствующее слово пийан в коми-язвинском диалекте, где оно подверглось фонетической адаптации, получив форму -пйан: зэрпиан "дождик" - ср. зэр "дождь"; йёлпйан "молочко" - ср. йёл "молоко".

Полный путь грамматизации слова мы можем наблюдать на судьбе суффикса -бье (-бие), встречающегося в отдельных эрзя-мордовских диалектах. Формант -бье (-бие) восходит к самостоятельному слову пийо, которое встречается в виде лексического архаизма со значением "сын, мальчик". Суффикс образует от личных имен и фамилий существительные совокупного единства, принадлежности группы лиц к данному единству (Цыганкин 1979:98).

-шой: удалившись от своего первоначального значения (к-з., к-п. шой, удм. шбй "труп, падаля") служит для образования существительных уничижительного, бранного значения. Встречается в качестве суффикса только в коми-зырянском языке, причем его употребление в некоторых диалектах ограничено.

В качестве самостоятельного слова чаще всего встречается в определительных конструкциях типа: вёв шой "труп лошади", мёс шой "труп коровы", кёр шой "труп оленя" и т.д.

Постепенная утрата самостоятельного значения привела к расширению сферы деривационных связей (керкашой "избушка, домишко" - ср. керка "дом"; сапогшой "плохонькие сапоги" - ср. сапог "сапоги"; пасьшой "лубейка" - ср. пась "луба"), что в свою очередь способствовало закреплению за суффиксом субъективно-оценочного значения пренебрежительности: мортшой "человечишко" - ср. морт "человек"; вёвшой "лошаденка", - ср. вёв "лошадь".

В верхневычегодском, вымском, нижневычегодском и удорском диалектах суффикс имеет форму -шуй³, а в верхнесоль-

³ Гласный у в этих диалектах развился из общепермского закрытого о (*о или б), которому в литературном языке закономерно соответствует о. Об этом см. В.А.Ляткин 1964.

ском и лузсколетском литературному -шой соответствует форма -шён. Б.А. Серебренников (Серебренников 1963:150) считает возможным связать суффикс -шён с прилагательным, первоначальное значение которого было "скверный, неприятный" (ср. шён дук "смад, "зловонье", дук "запах"). По-видимому, оба форманта общего происхождения.

В коми-пермяцком языке в функции уничижительного суффикса выступает формант -жуг (к-з. жуг "полова, мякина", к-п. жуг "мякина, отбросы, разбитая при молотье солома", к-язв. жуг "обломки, крошки", удм. жуг-жуг "отбросы, мусор"). Процесс грамматизации аналогичен грамматизации коми-зырянского -шой: значение непригодности, ненужности, содержащееся в лексическом значении имплицитно, развилось в грамматическое значение уничижительности (мортжуг "человечишко", керкужуг "избенка, домишко", песжуг "поленко").

Оба суффикса отличаются высокой продуктивностью.

-пу: началом эволюции самостоятельного слова пу (к-з., к-п., к-язв., удм. пу "дерево") в грамматический формант Д.В. Бубрих (Бубрих 1949:63) считает образование конструкций типа керкану "дерево для постройки дома". В дальнейшем подобные образования стали переосмысливаться и получили более общее значение "материал для чего-л.". В современном коми языке элемент -пу может образовать такие дериваты, в которых его первоначальное значение "дерево" никак не обнаруживается: рётырпу "невеста, будущая жена, кандидатка в жены" - ср. рётыр "жена"; зятёпу "кандидат в зятя".

Семантическая эволюция "дерево" → "материал для чего-л." → "кандидат в кого-л." вполне объяснима.

Интересно, что в ижемском диалекте и в говоре кольских коми суффиксу -пу соответствует суффикс -л'эс, возникший из русского заимствования лес:⁴ курал'эс "материал для граб-

⁴ Возможно также формант -л'эс имеет отношение к самостоятельному слову л'эс "набор разных вещей, предметов", бытующему в ижемском диалекте. В таком случае первоначально конструкции с -л'эс должны были обозначать "разные вещи для чего-л.", например: дад'л'эс "разные предметы для саней, заготовки для саней" - ср. дад' "сани", а затем получили более общее значение "материал для чего-л.", то, что годно для чего-л.". Но поскольку в других родственных языках и диалектах никаких соответствий к л'эс не обнаружено, можно предположить, что само это значение ("набор чего-л.") развилось на базе русского заимствования.

лей", бригадирл'эс "кандидат в бригадиры". Очевидно, этот формант прошел тот же путь развития, что и литературный -пу, с той лишь разницей, что эволюция его проходила быстрее. Возможно катализатором при этом послужила аналогия к конструкциям на -пу.

Оба форманта вступают в деривационные отношения только с основами существительных, но весьма продуктивны.

-туй: суффикс -туй является специфическим словообразовательным формантом коми-зырянского языка, развившимся из самостоятельного слова туй < общеп. *tɔi "дорога, путь".

В образовании деривационных моделей -туй подобен суффиксу -лун; его основная функция - образование абстрактных существительных от именных основ. Оба суффикса находятся примерно на одной ступени грамматикизации и часто - особенно в сочетании с основами прилагательных - вполне взаимозаменяемы: ср. дышлун = дыштуй "леность", мичлун = мичатуй "красота", варовлун = варовтуй "проворство, разговорчивость" и др. Однако стремление языка к экономии средств ограничило потенциальную продуктивность -туй в пользу конкурирующего -лун. В словаре современного коми языка (КРС 1961) нами обнаружено только 5 производных с суффиксом -туй, что примерно в 20 раз меньше количества дериватов с -лун.

Семантическое опустошение -туй зашло настолько далеко, что очень трудно восстановить начальные этапы грамматикизации. Первоначально элемент вступал в словообразовательные отношения только с основами существительных, образуя достаточно прочные единства со значением "след чего-л., дорога кого-л.", как в: аньтуй "навык, умение в женских работах" - ср. ань "женщина"; морттуй "мастерство, умение" - ср. морт "человек", киподтуй "мастерство, почерк" - ср. кипод "рука"; коктуй "след" - ср. кок "нога"; пиньтуй "огрызок" - ср. пинь "зуб". В таких ситуациях -туй постепенно формировался как грамматический формант, распространив деривационные связи и на сферу прилагательных, в сочетании с которыми он полностью утратил свое лексическое значение.

-пом, (-пон): Бубрих (Бубрих 1949:62) считает, что вначале -пом было самостоятельным словом и употреблялось в сочетаниях типа сись пом "конец свечи", но получило новое значение вроде "остаток свечи". В дальнейшем значение "конец чего-л." утратилось. Однако он ничего не говорит о формировании значений суффикса. Видеман считает, что суффикс -пом обозначает

"etwas wohin Gehöriges, damit Zusammenhängendes, daraus Hervorgehendes" (Wiedemann 1884:72).

Из имеющихся у нас немногих примеров (скр. рõдпõн "дальний родственник", туйпõн "след, путь") трудно определить какую-либо общую функцию суффикса, тем более восстановить первоначальные стадии грамматики.

Нам представляется возможным связать суффикс -пõм (-пõн) не с общекоми словом пõм "конец", а лишь с одним из его диалектных значений, именно: "вещь, предмет" (нв., вым. пõм "вещь, предмет", туйтõм пõм "негодная вещь", скр. казьтылан пõм "вещь на память", к-язв. пõн "предмет, вещество, объект" - ср. удм. пум "причина"). В пользу такого предположения говорит тот факт, что употребление -пõм в функции суффикса ограничено диалектной сферой. Между тем такой подход позволяет легко объяснить бытование в диалектах таких слов как с'еккпõн "трудность, тяжесть" - ср. с'еккн "трудный, трудно", где -пõн выступает в функции, синонимичной функциям литературных суффиксов -лун, -туй, а также суффикса -тор в его обобщенно-абстрактном значении.

-улов: генетически, очевидно, связан с заимствованным русским словом улов. В качестве словообразовательного суффикса имеет значение собирательности. В какой-то степени может выполнять функции суффикса множественного числа -яс; ср. зонулов = зоньяс "парни", мукикулов = мукикьяс "мушкетеры", челядьулов = челядь "дети". Однако совпадение нерегулярное. Слова с -улов отличаются ярко выраженной экспрессивной окраской и довольно часто употребляются в просторечии. В книжной речи они почти не встречаются, хотя в нормативных словарях зафиксировано несколько таких образований.

Сдвиг в значении от семантического (рус. груды, куча рыб) к грамматическому (собирательность) вполне объясним.

Суффикс -улов - принадлежность исключительно коми-зырянского языка.

-кодь: в присыктывкарском диалекте коми языка последелю кодь "как, вроде наподобие" может подвергаться грамматизации, приобретая значение собирательности, например: вõдõс'-ткод'ли н'ин сийõ удйõзз "он уже всему селу должен", а также уничижительности; кõн бара пиндзаккод'õй менам? "где же мой пиджачик?" (Жилина, Бараксанов 1971:89).

Обе функции, очевидно, развились из первоначального значения приблизительности.

Элемент -кодъ может быть отнесен к разряду суффиксов весьма условно, поскольку он употребляется ситуативно, в контексте и не образует устойчивых лексем. Неслучайно -кодъ как словообразовательный суффикс существительных не зарегистрирован ни в одном из словарей коми языка.

Рассмотренные нами суффиксальные элементы находятся на разных стадиях грамматизации. Так, абстрагирующие суффиксы -лун, -туй, а также деминутивные -тор, -шой, несомненно, являются наиболее оформившимися суффиксами, тогда как -ин, -пи, -пом находятся лишь на начальной стадии грамматизации и очень часто выступают скорее как компоненты сложных слов, нежели как суффиксы. Но общим для всех них является то, что они сохраняют в той или иной мере свое первоначальное лексическое значение, чему способствует тот факт, что в языковой системе они продолжают функционировать в качестве самостоятельных слов.

Л и т е р а т у р а и п р и н я т ы е с о к р а щ е н и я

- Б у б р и х Д.В. 1949, Грамматика современного литературного коми языка. Ленинград.
- ГСУЯ 1962 - Грамматика современного удмуртского языка, Ижевск.
- Ж и л и н а Т.И., Б а р а к с а н о в Г.Г. 1971, Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. Москва.
- К р и в о щ е к о в а - Г а н т м а н А.С. 1967, О грамматизации самостоятельных слов, сб. Вопросы финно-угорского языкознания, Ижевск.
- КРС 1961 - Д.А. Тимухев, Н.А. Колегова, Коми-русский словарь, Москва.
- КЭСК 1970 - В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев, Краткий этимологический словарь коми языка, Москва.
- Л ы т к и н Г.С. 1889, Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык, С.-Пб.
- Л ы т к и н В.И. 1961, Коми-зыбвинский диалект, Москва.
- Л ы т к и н В.И. 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва.
- М а й т и н с к а я К.Е. 1965, Образование и классификация суффиксов в агглютинативных языках, сб. Морфологическая типология и проблема классификации языков, Москва-Ленинград.

- ОБУЯ 1975 - Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки), Москва.
- ОБУЯ 1976 - Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки), Москва.
- Сахарова М.А., Сельков Н.Н. 1960, Некоторые особенности говора кольских коми, Историко-филологический сборник, вып. 6, Сыктывкар.
- Серебренников Б.А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
- Серебренников Б.А. 1965, Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка, сб. Морфологическая типология и проблема классификации языков, Москва-Ленинград.
- Цыганкин Д.В. 1976, Суффиксальное словообразование имен существительных в диалектах эрзянского языка. - *Fennougristica*, 3, Tartu.
- Lazar O. 1975, The Formation of Abstract Nouns in Uralic Languages, Uppsala.
- Lwb 1938 - Kettunen L., Livisches Wörterbuch mit grammatischer einleitung, Helsinki.
- Wiedemann F. J. 1880, Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem Wotjakische-deutschen im Anhang und einem deutschen Register, St.-Pb.
- Wiedemann F. J. 1884, Grammatik der Syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und Wotjakischen, St.-Pb.

Сокращения языков и диалектов

вым. - вымский диалект коми-зырянского языка; к-з. - коми-зырянский язык; к-п. - коми-пермяцкий язык; к-язв. - коми-язьвинский диалект; лив. - ливский язык; морд.э. - эрзя-мордовский язык; морд.м. - мокша-мордовский язык; нв. - ниже-вычегодский диалект; печ. - печорский диалект; прс. - при-сыктывкарский диалект; рус. - русский язык; саам. - саамский язык; удм. - удмуртский язык; фин. - финский язык; эст. - эстонский язык.

G. Fedjunjova
(Syktyvkar)

ÜBER SEKUNDÄRE SUBSTANTIVSUFFIXE IN DER KOMI-SPRACHE

Zusammenfassung

In den permischen Sprachen gibt es ungefähr 10 sekundäre Substantivsuffixe, die aus selbständigen Wörtern durch Agglutination entstanden sind. Der Prozeß der Grammatikalisierung ist sehr ungleichartig, aber in den meisten Fällen betrifft er nur die Semantik; sekundäre Elemente erleiden phonetisch und morphologisch fast keine Veränderungen. Gegenwärtige sekundäre Suffixe stehen auf verschiedenen Stufen der Grammatikalisierung; sie sind sehr verschiedenartig in bezug auf die Produktivität, Häufigkeit, stilistische Wertung usw.

In diesem Artikel betrachtet man die Suffixe -тыв (urspr. "Tag"), -м (urspr. "Platz"), -тор (urspr. "Stück"), -м (urspr. "Sohn"), -мол (urspr. "Leihe"), -м (urspr. "Baum"), -тв (urspr. "Weg"), -мом (urspr. "Ende, Sache, Ding"), -мом (urspr. "wie"), die im Komi-Syrjänischen breite Verwendung finden. Jedes Ableitungssuffix wird synchronisch beschrieben.

Toimetuskolleegium:

P. Alvre (esimees), A. Künnap, P. Palmeos, H. Rajando,
S. Smirnov, E. Vähti (vastutav toimetaja).

Kunstiliselt kujundanud K. Põllu.